

НИКОЛАЙ КОЛЯДА

**НЕ ВКЛЮЧАЙ
БЛОНДИНКУ**

Комедия в двух действиях.

Город Екатеринбург

2018 год

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

АННА СТЕПАНОВНА - 65 лет

ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ - 55 лет

ОЛЬГА – 20 лет

ВАЛЕНТИНА – 30 лет

МАРИАННА – 40 лет

РУЗАННА – 45 лет

АНДРЕЙ – 20 лет

В библиотеке, расположенной в старом деревянном двухэтажном купеческом доме. Наши дни.

ПЕРВОЕ ДЕЙСТВИЕ

Июнь. Библиотека имени Маяковского расположилась в старом деревянном двухэтажном купеческом доме. На первом этаже стоят ряды железных стеллажей с книгами, за ними три окна, в окна бьет яркое летнее солнце. В воздухе висит ленивая книжная пыль, которая двигается только с теми, кто ходит по рядам, оседая им на головы, на плечи. За окном тополя и клены шумят. Так тихо и покойно в этом доме, где полно лепнины на потолке, где висит люстра с круглыми чашками, смотрящими вверх. Тут старинное зеркало стоит, шкаф старинный. Тут всё как в музее.

Справа еще три окна, они ведут на улицу, по которой редко ездят машины. Провинциальный город, какое тут движение? Никакого. На окнах везде цветы в горшках. Перед стеллажами конторка библиотекаря для выдачи книг, рядом с ней ящики, на них букочки прописаны: «А–К», «Л–С», «Т–Ц», «Ч–Я». Там фамилии читателей на карточках написаны.

Справа у окон стоят два стола с компьютерами. У конторки лежит красная дорожка, вытертая сотнями ног.

У входной двери на постаменте – белый гипсовый Маяковский до пояса, глаза пучит слепые. Возле него стоит пластмассовый цветок в вазочке с треснувшим горлышком. Еще возле бюста Маяковского вешалка, на ней три разноцветных зонтика, забытых читателями. Пальма еще есть возле Маяковского. Над Маяковским надпись: «Я лиру посвятил народу своему. А.С.Пушкин». На пальме елочные игрушки висят. Видно, еще забыли снять с Нового года, а уже лето.

Уже лето! Лето! Жарко на улице. А тут прохладно в старом купеческом доме.

Возле конторки стоят еще два стола. Их сдвинули, с них убрали на пол подшивки газет. Столы накрыты китайской белой пластмассовой скатертью, на столах в вазе фрукты, торт со свечками, три бутылки дешевого красного сухого вина, и еще коробка вина, одноразовые белые стаканчики, такие же одноразовые тарелки, вилки, ложки. Салатик в чашке. Оливье. Чайник кипит на столе у окна рядом с компьютерами.

Лестница от входной двери ведет на второй этаж. Там читальный зал находится. На стене у лестницы висят портреты русских писателей в рамках, с цитатами. Портреты мухами обсижены.

Возле конторки навтыжку, нарядные, покрашенные, встали и не двигаются ОЛЬГА – ей 20 лет, ВАЛЕНТИНА – ей 30 лет и МАРИАННА – ей 40 лет.

Со второго этажа, жеманясь и хихикая, спускается заведующая библиотекой АННА СТЕПАНОВНА. Она задом вперед идет, первая, словно дорогу прокладывает, держится за перила, чтобы не навернуться, а ей навстречу степенно, важно, посмеиваясь и поглаживая свой большой живот, идет ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ, известный в Дощатове бизнесмен. За ним следует, безразлично оборачиваясь и одергивая юбку, РУЗАННА, секретарь Владимира Николаевича.

Анне Степановне – 65 лет, Владимиру Николаевичу – 55 лет, Рузанне – 45 лет. Несмотря на жару, духоту, на Анне Степановне свитер трех цветов с надписью «Кевин Кляйн», на ней юбка плиссе-гофре и туфли на высоком каблучке. У нее очки на веревочке, как у собачки привязь, на руках кольца дешевые с камнями. У Владимира Николаевича золотая цепь на шее, на каждой руке на пальцах по четыре огромных перстня-печатки. Владимир Николаевич в рубашке с короткими рукавами. Рузанна в строгом деловом костюме и на шпильках, под мышкой она держит папку.

Они идут и ступеньки скрипят.

Женщины у стола еще сильнее выпрямились, как солдаты на параде, которые ждут главнокомандующего.

АННА СТЕПАНОВНА. Ну вот, Владимир Николаевич, вы увидели, а я показала вам новые столы в читальном зале на втором этаже прекрасной библиотеки имени великого русского, нет, советского пролетарского поэта, да что уж там говорить, и драматурга, так сказать! Можно добавить, и буреветника революции, так сказать, Великой Октябрьской социалистической, так сказать, революции, главного события двадцатого века ...

ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ *(смеётся)*. Приколюха, блин ... Нет, я серьезно вам говорю. Собственно, то есть.

РУЗАННА. Владимир Николаевич, что записать? Покупка мебели для библиотеки?

ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ. Да нет. Потом. Ну да. Нет, я серьезно. Сейчас не потому.

АННА СТЕПАНОВНА. Ну да. Так вот, великого поэта, имя которого носит наша библиотека, библиотека имени Маяковского, к которой, должна я сразу же заметить,

отметить, подчеркнуть и открыть, так сказать, вы так благоволите в последнее время, в последний месяц, Владимир Николаевич ...

ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ. Да, хорошо тут, Анна Степановна. Нет, я серьезно вам говорю. Собственно, то есть. На улице – ну вот, парник просто, сауна, а у вас тут прохладно как, а?... И люстра, и наклеено там сверху всякого ...

АННА СТЕПАНОВНА. Ну, это же старый купеческий дом! Они ведь, купцы – ой-ей-ей! – знали, как строить! У нас летом – прохладно, а зимой жара, так тепло, так уютно! Видите, пальма у нас растет! Я ее сама, отмечу, сама вырастила из семечка, то есть, из орешка, то есть – ну, как это называется? – из косточки! *(Смеется)*. Забывать кой-какие слова стала! Съела финик, лет двадцать назад, и засунула в землю косточку. А она – гляди ж ты! – выросла, вымахала как! Как это просто: взять и помочь природе, а?

ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ. То есть?

АННА СТЕПАНОВНА. Ну, то есть, вот что-то в землю вовремя воткнуть и всё, да?

ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ. Ну да. Нет, я серьезно вам говорю.

РУЗАННА. У вас совещание по охране природы, Владимир Николаевич, на той неделе.

АННА СТЕПАНОВНА. Осторожнее идите! Итак, вы посмотрели наш читальный зал, Владимир Николаевич ... Пойдемте, айда, идите посюда, а не потуда, не споткнитесь, а то упадете, и что нам тогда делать, если вы шею себе сломаете? *(Смеется)*. Шутка! Осторожнее, Владимир Владимирович, ой, то есть, Владимир Николаевич, вот ведь наш президент, он всё время на слуху, на языке, дай Бог ему здоровья, что поднимает нас, помогает нам, нашей России, так сказать, подняться ... Так что, Владимир Николаевич, денежки ваши спонсорские потрачены с умом! Столы в читальный зал куплены. Да какие столы! Сказка! Загляденье! Радость для сидящих за ними какая! Сиди и читай, сколько влезет, по самые гыгышары! Шутка! Сколько душенька твоя возжелает, так ведь?

ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ. Ну, что вы отчитываетесь? Я ведь знаю, что вы – кристальной честности женщина. Нет, я серьезно вам говорю. Собственно, то есть.

Спустились все втроем с лестницы. Встали у стола. Молчат.

АННА СТЕПАНОВНА. Это правда. Я кристальная. Я просто кристальной. Вот. Чистоты, имеется в виду. У меня и фамилия такая яркая – Анна Удельная! То есть, я уделяю всему внимания. Я у дела. Я - разделяй и властвуй, так сказать, делю всех на тридцать три! Шутка, юмор! Я дельная, я Удельная! Вот так. *(Смеется)*.

Молчание.

ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ. Ну да. Значит, раз вы так – то так, значит. Во-от. Нет, я серьезно вам говорю. Собственно, то есть.

АННА СТЕПАНОВНА. Дорогой Владимир Николаевич! Господи, ну почему мне хочется назвать вас Владимир Владимирович, а? Вы так похожи на нашего президента! Ну вот! Дорогой Владимир Николаевич, наши девочки, наши библиотекари хотят вручить маленький, так сказать, презент, подарочек, подношение. Девочки, идите сюда ближе, ну? Так вот, мы дарим вам этот диплом, в котором написано: «Настоящий диплом вручается меценату Владимиру Николаевичу Задойному за победу в номинации «Спасибо!». И подпись тут моя, и библиотечный штамп, то есть, печать круглая такая вот тут стоит ...

ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ. О! Красивый какой, большой! Нет, я серьезно вам говорю. Собственно, то есть. Повешу с другими. До кучи. У секретарши у моей, вон она.

РУЗАННА. Я видела такой диплом, продается в «Спорттоварах» возле вокзала. Владимир Николаевич, в «Спорттоварах», на втором этаже, в отделе «Товары для дома».

АННА СТЕПАНОВНА. Правда? В «Спорттоварах»? Ну да, мы там его купили. Но ведь

без нашей печати - он ведь недействителен! *(Смеется)*. Диплом вам вручает старейший библиотекарь библиотеки имени Маяковского Марианна Михайловна. Ну, вообще-то, я старейший, как это ни печально осознавать ... А потом уж и она - до кучи! *(Смеется)*. Марианна Михайловна Нифонтова! Марианночка, ну, что ты стоишь нараскоряку, иди, давай, отдай ему диплом ...

Марианна подходит, сует диплом Владимиру Николаевичу.

МАРИАННА. Поздравляю вас с победой в номинации «Спасибо!».

ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ. Спасибо, да, спасибо! А диплом – да. Нет, я серьезно вам говорю. Спасибо. Он украсит. Нет, я у кабинета, над секретаршей повешу, пусть висит. Может, упадет когда ей на голову! Рузанна, возьми, повесь над собой это «Спасибо!».

Смеется, все молчат. Отдал диплом Рузанне.

Как говорится: спасибо в карман не положишь, да? Нет, я серьезно вам говорю.

АННА СТЕПАНОВНА. Ой, да, нет, не положишь! Ну, вот еще букет цветов, полевых, настоящих, не купленных в магазинах, мы сами собирали с девочками – лютики-цветочки. Тоже вам. До кучи, как вы говорите!

ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ. Да, лютики-цветочки. На пустыре я видел, мы там все бульдозером чистим, будем - бизнес-центр. За углом. Нет, я серьезно. Собственно, то есть.

АННА СТЕПАНОВНА. Да-а? Лютики-цветочки, колокольчики, кашка-ромашка? Валя, подойди, вручи букет Владимиру Владимировичу - да черт его побери, привязался! - Владимиру Николаевичу! *(Тихо)*. Ну, что ты как корова недоеная?

ВАЛЕНТИНА. Доеная я. Натe, пожалуйста. Это у нас такая шутка. Мы ее придумали. Потому что у вас фамилия Задойный!

Отдала букет Владимиру Николаевичу.

ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ. Вот вы – да? А у меня фамилия, и, правда – Задойный!

АННА СТЕПАНОВНА. Ой, мы шуткуем-юморим! Ну, это наша Валя, «Смерть пионерки»! *(Смеется)*. Знаете стихи: «Валя, Валентина, что с тобой теперь? Белая палата, крашенная дверь!»? Не знаете? Это про нее. Там еще дальше: «Нас водила молодость в сабельный поход! Нас бросала молодость на кронштадтский лед!». Ну, и так далее.

ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ. Я не женщина, а куда? Серьезно. Собственно, то есть.

АННА СТЕПАНОВНА. Ой, да вы мужчина в самом соку, вы – наш Карлсон!

ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ. Ну да. В соку. Ну, я. Как у вас хорошо, как тихо ...

ВАЛЕНТИНА. Хотите анекдот? «Библиотекарь Александра, увидев рванный переплет, душила Игоря, но тихо, чтоб сохранялась тишина!» *(Смеется. Все молчат)*.

АННА СТЕПАНОВНА. Идея! Раз вы не хотите цветов, то вот – пожалуйста! – можете переподарить букет нашей сотруднице! Олечка, ну, прими букет.

ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ. Да, я вот месяц к вам. Как на работу. Собственно, то есть.

РУЗАННА. Владимир Николаевич, у вас совещание в 15-00.

АННА СТЕПАНОВНА. Да! Олечка, не мнись, подойди. Опля! Сюрприз! Вы не знаете, Владимир Николаевич! Сегодня у нашей у молодой работницы, у Ольги вам неизвестной, день рождения! Ура! В библиотеке все говорят тихо, но мы будем сегодня кричать! И букет как раз кстати! Ей двадцать лет сегодня. Да, Оля? Двадцать?

ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ. Серьезно? Я и не знал. Ольга, от души. То есть.

Отдал букет Ольге. Все хлопают. Молчат.

АННА СТЕПАНОВНА. Ну, вот! Я же говорю – сюрприз! - как говорят в Европе!

Посему, потому, поэтому, для того, от того – мы вас, Владимир Владимирович, Владимир Николаевич вас мы – приглашаем на наше тематическое маленькое малиновое застолье!

ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ. Малиновое?

АННА СТЕПАНОВНА. Ну да! Тематическое! Тут свежая малинка на столе, тут варенье, ну, я люблю, чтоб было тематическое всё. Потому что у нас библиотека! Единственная и потому лучшая в нашем славном Дошатове! Как говорил наш парторг когда-то: «Каждая пьянка должна быть партийной работой!». *(Смеется)*. Прошу, к столу.

ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ. Нет, я не буду. Я с утра так наелся, что у меня в животе булькает. *(Смеется)*. Яблочко только съем. А то я стал жирный, как поезд пассажирный! *(Смеется, все смотрят на него)*. И выпивать не буду. У меня болезнь.

АННА СТЕПАНОВНА. Правда? Какая?

ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ. ОРЗ называется. Что значит: «Очень Резко Завязал»! *(Хочет)*. А вы, Оля, сегодня до сколько Родине служите? Собственно, то есть.

АННА СТЕПАНОВНА. Мы до шести вечера. Владимир Николаевич, чашка чая, малинка свежая и ложечка варенья, присядьте! Поготорим, так сказать, на тематическом застолье! Планы наши, так сказать, сверим, да? Мы дверь в библиотеку изнутри закрыли. Палкой, шваброй, швабру в ручку засунули и сидим, как мышки, будто технический перерыв. Заперли, чтоб в библиотеку не лезли всякие, а то начнется ... Мы тут маленький междусобойчик! Девочки, поаплодируйте, он так шутит, у него такой острый язычок, да?

ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ. Вы Ольге лучше, раз у нее день варенья. Я вас от души.

АННА СТЕПАНОВНА. Совершенно верно, Николай Владимирович ... Господи, да что со мной сегодня?! Прошу за стол, Валя, налей, раз Владимир Николаевич не будет, я скажу первый тост! Рузанна, сядьте, отдохните! Вспотели как, на каблучищах-то, нет?

ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ. Мне на работу, так-то вообще-то, но я пять минут с вами, погрею попу ... *(Смеется, все молчат)*.

РУЗАННА. У вас только пять минут.

АННА СТЕПАНОВНА *(поет)*. «Пять минут, пять минут! Это много или мало?».

ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ. Да, Анна Степановна! Нет, серьезно.

АННА СТЕПАНОВНА. Ну, так вот, если вы хотите, как следует, с чувством, с толком, с расстановкой, а не так как пономарь – ах, этот Грибоедов, он всё время просится на язык! – так вот, раз хотите поздравить нашу Олю, Олечку, Олюсеньку, Ольгуньку, то можете нашу, нашу распронашу – можете ее вечером опционировать, так сказать, в ресторанчик!

ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ. Её в ресторан?

АННА СТЕПАНОВНА. Её в ресторан!

ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ. Её?

АННА СТЕПАНОВНА. Ну да, в ресторан её!

ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ. Дак я и хотел на randevushku! *(Смеется)*. Ну, я зову... Я бы поужинал. «Крокодил такой голодный, проглотил утюг холодный!». *(Смеется)*.

РУЗАННА. У вас вечером заседание по проблемам ЖКХ. В банном комплексе «Вольный ветер». Будут все. Мэр, и так далее.

ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ. Да в пим её, ЖКХ. Сама проведешь. Я-то что? Я ЖКХ сохраняю! Мне пока рано в банный комплекс, попозже будет, надо будет ...

АННА СТЕПАНОВНА. И прекрасно! «Абгемахт!», как говорят немцы. То есть,

договорились! Сядем! Прошу всех занять свои! Я произнесу первый тостик!

Все сели. Владимир Николаевич достал из кобуры, которая была у него под пиджаком, пистолет и положил его на стол. Улыбается. Все молчат, перепугано смотрят на пистолет.

ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ. Он мне греет бочок. Под пиджаком не видно.

АННА СТЕПАНОВНА. Да? Ой, ружье на сцене всегда выстреливает!

ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ. Это не ружье, а пистолет марки Макарова. Собственно. С девяностых сохранил. Мы тогда с нашим мэром и с нашим начальником отдела культуры, помню ... *(Замолчал)*. Ну вот, так сказать, собственно, то есть ...

АННА СТЕПАНОВНА. Дорогой Владимир Николаевич! Благодаря человеку поистине с душой исполинской и нежной - нет, не отмахивайтесь! – с душой, как у фламинго розового! С нежной и с мужским нравом! Благодаря настоящему меценату, которые вымерли! Как мамонты проклятые! Меценату с большой буквы, Савва Морозов отдыхает! Благодаря вам возрождается один из важнейших очагов культуры нашего города!

ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ. Я вот помню в девяностые, мы с мэром и с этим, из культуры – входим в один дом, а там: оружие, патроны, пулемет даже ... Ну вот.

АННА СТЕПАНОВНА. Ну да. Так вот. Становится на ноги, поднимается с колен библиотека великого пролетарского поэта Владимира Владимировича Маяковского ...

ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ. Он был как наш президент?!

АННА СТЕПАНОВНА. Дак естественно! Такая же громада! Такие же плечи!

МАРИАННА. Он плохо закончил. Застрелился.

АННА СТЕПАНОВНА. Помолчи.

ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ. Кто застрелился?

МАРИАННА. Маяковский.

ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ. Правда?

АННА СТЕПАНОВНА. Не о нём речь! Именно вы купили для библиотеки имени Владимира Владимировича столы в читальный зал, вы заменили окна, вы, вы купили стеллажи для книг! И это за месяц! А что дальше? Мне даже страшно представить! Вы купили нам новые стулья, вот эти два, вот они, девочки, встаньте, покажите их ...

ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ. Дак я стульев купил туда. Наверх, в читательный зал ...

АННА СТЕПАНОВНА. Да, да, там еще, в читательном зале, как вы выразились, там еще стоят стулья! И они все – ваши! А у нас еще крыльцо ждет, пол проваливается, а еще ...

ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ. Нет, стулья - они ваши. И я не покупал. Я же вам просто денег дал и сказал: купите, что надо... Нет, я серьезно говорю. Собственно, то есть.

АННА СТЕПАНОВНА. Вы просто дали денег. Просто дали. А нам еще надо! То есть, а кто просто так дает? Никто. А вы взяли – и дали. Вы возродили, воспламенили, возжгли, зажгли, так сказать, в угасшем костре, в очаге, в нашем камине огонь, пылающий огонь! Он запылал! Тут был один пепел и угли тлеющие! А мы, все библиотекари, ходили, как в карауле, охраняли этот пепел ...

МАРИАННА. С ружьями по периметру ...

АННА СТЕПАНОВНА. Помолчи! Да, охраняли и надеялись, что вот, вот, вот! Что возродится из искры пламя! И оно возродилось! Простите, я плачу ...

ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ. Да плачьте. А нам весело. Да, Оля?

АННА СТЕПАНОВНА. Я должна вам сказать, Владимир Николаевич, что у нас в нашем

очаге культуры, в нашей библиотеке, в нашей юдоли радости и счастья ...

ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ. А?

АННА СТЕПАНОВНА. «В юдоли» - я сказала! Здесь у нас крыша еще течёт, но за последний месяц на три процента увеличился приток ... приход... приплод... принос ... Ёкарный бабай, мой французский! Так красочно хочется поведать миру про ваш подвиг, а слов не нахожу! Короче, у нас стало больше читателей на три процента!

ВАЛЕНТИНА. На шесть человек.

АННА СТЕПАНОВНА. Это очень много! Вы знаете, что все сейчас сидят с телефончиками, нажимают кнопочками, книги не читают! О, великий, могучий русский язык, как много можно выразить, но всё же: оставить главное – как айсберг! - где одна десятая над водой, а девять десятых под! И эта подводная часть расскажет больше, в тысячу раз, чем надводная! Подтекст! Вот главное в русском! Верхушка – не главное! *(Вдруг запела).* «Ведь порою и молчанье нам понятней, нам понятней, нам понятней всяких слов! Не спугни очарованья! Этих тихих вечеров! Ведь порою и молчанье! Ведь порою и молчанье! Нам понятней! Нам понятней! Нам понятней всяких слов!» ... Ах, Клавдия Ивановна Шульженко, как же ты была права!

ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ. Думаю, что у вас на шесть человек прибавилось не из-за новых стеллажей. Нет, я серьезно вам говорю. Ведь все - парни?

АННА СТЕПАНОВНА. О, вы прозорливы!

ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ. Не из-за стульев. А всё ж таки ... Нет, я серьезно. И вот хочу поднять тост за тех, кто поднимает нам всё - и процент посещаемости.

АННА СТЕПАНОВНА. Кого?

ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ. Ну, есть тут, в принципе на самом деле типа того, кто поднимает! *(Смеётся).* Я хочу выпить, всё ж таки, за Олечку! И, раз у вас, Олечка, сегодня хепебёздай, то хочу, чтоб выпили за ваше здоровье! Нет, я серьезно вам говорю.

АННА СТЕПАНОВНА. Ой, правильно, мы должны Олечке хепебёздай спеть, чтоб всё было по-европейски, класнуче так! И свечи, ой, Валя, Марианна, зажигайте свечи, что вы?! А ты, Оля, давай, дуй, дуй, дуй, а мы тебе будем петь! Начали, товарищи!!

Все поют «Хепебёздай», Валентина зажигает свечи, все хлопают в ладоши.

Ольга угрюмо дует на свечи и они гаснут.

Ура! «К сожаленью! День рожденья! Только раз в году!» ... Боже мой, как у нас весело! И всё благодаря вам! Умеете создать праздник, зажечь сердца! Я ведь уже говорила вам, что вы плеснули бензинчику, подлили керосинчику, подогнали газу, поддали парку в наш костер, в очаг культуры, в неутолимую чашу подлили вина? И костер разгорелся, и я больше скажу: искру, искру вы кинули сюда, и костер горит, пламя не утихает ...

Все молчат.

РУЗАННА. Я в машину, сделать пару звонков по отмене совещаний. Еще: должен прийти факс из архива области о подтверждении вашего дворянства. Мы его ждем второй день.

ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ. Да, как раз вот! Написали мы в архив и выяснилось, что я – дворянин. Вот сейчас будет бумага с печатями. Иди, шуруй.

РУЗАННА. Владимиру Николаевичу нельзя жирное. Проследите. Вас много, а я одна.
Рузанна вышла.

АННА СТЕПАНОВНА. Правда? Вы дворянин? Правда? Как много я о вас не знаю!

ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ. Да. Будем открывать Дворянское собрание в городе. Место ищем какое-то статусное. Собственно, то есть.

АННА СТЕПАНОВНА. Очаг дворянства. Я знаю. Построите тут, за магазином, да?

ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ. Я выйду на минутку. Покурю, на крыльце? Вредно, но в принципе на самом деле, организм требует. Я вернусь, да? Нет, я серьезно вам говорю. *(Забирает пистолет со стола и прячет в кобуру под мышку).*

АННА СТЕПАНОВНА. Да курите тут! Вы – дворянин?! Какая радость в городе!

ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ. Как тут? Тут книги, тут дети приходят.

МАРИАННА. Да никто сюда не приходит.

АННА СТЕПАНОВНА. Нет, дети, да, инвалиды и ветераны, студенты и аспиранты! Они в очередь с утра до ночи, и потом там наверху читают, на ваших стульях сидя! Я с вами - выйду-ка я на крыльцо, подышу воздухом и выкурю папироску!

ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ. У меня сигареты.

АННА СТЕПАНОВНА. Мне надо с вами тет-а-тет переговорить, Владимир Николаевич, по поводу наших дел и планов, айдате! Вы такой прекрасный собеседник ...

ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ. Ольга, я сейчас, и потом в принципе ...

АННА СТЕПАНОВНА. Вот ни на шаг, вот, следовать за вами по пятам, идти нога в ногу! Как в песне: «Я готов целовать песок, по которому ты ходила!». То есть – ходил!

ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ. В принципе, пошлите. А у вас там черный ход?

АННА СТЕПАНОВНА. Вот беда: там дверь от сырости перекосябило, то есть, перекошило и - не открывается. Мы на белый вход, на крыльцо наше заваливающееся. Вот вы на него посмотрите, у вас сердце разорвется, айдате! Тут купец жил, о, это старый особняк! Купец Авдеев, торговал водкой! Я иногда смотрю на наши наличники у дома, они ведь с тех времен, да! Смотрю и думаю: каждое утро алкаши подходили к дому и гладили наличники, стучали купцу в окно, чтобы он вынес им вина или водки! Какая-то чередка, очередь алкашей у наших окон когда-то была! Но времена поменялись, и теперь сюда очередь не алкашей, а очередь за знаниями, за умом и душой! Тут вот в Новый год ёлка стояла, бегали дети купца, да? Представляете, как они жили?

ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ. Ну да, в принципе на самом деле ...

АННА СТЕПАНОВНА. Ой, да! Я пьяная стала с одного стаканчика, потому что не пью! И кругом, как мальчики кровавые, Владимиры Владимировичи, Владимиры Николаевичи, Николаи Владимировичи – всё в голове пучком, дыбом, одуванчиком! Идемте, сделаем курь-курь на свежем воздухе! Я первая, прокладываю вам дорогу, а вы за мной!

Она хохочет. Вышли в центральную дверь.

Ольга, Марианна и Валентина сразу же достали мобильные телефоны, нажимают кнопки.

Смотрят что-то в них. Долго сидят, молчат.

МАРИАННА. Ну, врушка. Какая врушка. Она не курит. И еще: она не пьет. Заливает каждый вечер. И курит тут. Даже к окну не подойдет. Провоняло всё дымом, невозможно.

ВАЛЕНТИНА. Пусть воняет. Кто сюда ходит? Платят деньги из бюджета, копейки эти – вот сиди и молчи, а так бы ты куда? На стройку к нему? А эта? Силиконовая долина. Вся поддута. Такие деньги у людей, а? Ей 45 лет, а она ... Как гриб сморщенный поддулась.

ОЛЬГА. К чему это?

МАРИАННА. А что? *(Передразнивает).* «Нет, я серьезно вам говорю!». У нее крышак поехал. Решила тебя подложить под него и срубить с бабла. Талант сутенерши открылся.

ОЛЬГА. Не надо меня подкладывать.

МАРИАННА. Ты это ей скажи. Не нам.

ОЛЬГА. Я увольюсь.

МАРИАННА. Уволься, кто тебе держит.

ОЛЬГА. А что он пристал?

ВАЛЕНТИНА. Рузанна - в любовницах. Старая. Он решил обновить репертуар. Ты видишь, как её надирает, как злится?

ОЛЬГА. У него же жена?

ВАЛЕНТИНА. И что?

МАРИАННА. Я удивляюсь, что она сорок лет в библиотеке, а не в другом месте. С такими талантами должен был быть свой публичный дом. Там бы она богатели.

ВАЛЕНТИНА. Я тут пятнадцать лет, меня она ни под кого не подкладывала. И тебя, насколько я знаю. Ты двадцать? Было с тобой похожее что-то?

МАРИАННА. Мы непорочны. А некоторые сразу раскрыли таланты.

ОЛЬГА. А я при чем?

ВАЛЕНТИНА. Да не при чем.

МАРИАННА. Мы с тобой, Валя-Вафлентина, страшили были тогда. А сейчас и подавно. И не было таких богатеев, как этот: «В принципе, на самом деле, типа того, нет, я серьезно вам говорю». Ты посмотри, как он запал на нее, а? Месяц торчит тут, а?

ВАЛЕНТИНА. А кому мы нужны? Прыщавым юнцам? Сколько их? Пара ботанов и дрищей в месяц. Сюда приличные не ходят. И не заходили никогда. Только вонючки, как книги эти воняют, приходят сюда. Грязные бабки и бомжи греться приходят. Еще ненормальные поэтессы и писатели из клуба любителей литературы «Сбросимся!». Задрали. Они сбрасываются, чтоб книжки со своими стихами издавать и пить гурьбой.

МАРИАННА. Кому ты там пишешь?

ОЛЬГА. Никому. Отправила уже.

МАРИАННА. Ясно. Этому – армянину своему, что ли?

ОЛЬГА. Он не армянин, а дагестанец. Он гражданин России.

МАРИАННА. А этот козел плешивый месяц назад зашел посмотреть: «Кто, кто в теремочке живет? - Я мышка-норушка» ... И вот.

ВАЛЕНТИНА. Он снести хотел этот дом, вместе с нами, с мышками-норушками.

ОЛЬГА. Это памятник. Тут лепнина охраняется государством.

ВАЛЕНТИНА. Глаза разуй, а? Он снести хотел и выстроить тут торговый центр.

МАРИАННА. И снесет.

ОЛЬГА. Это самый центр. Как снесет?

МАРИАННА. Снесет, ты где работу найдешь? Нигде. Твой хач тебя кормить будет?

ОЛЬГА. Не лезьте в мою личную жизнь.

МАРИАННА. Милая, твоя личная жизнь стала теперь общим достоянием.

ОЛЬГА. А что делать?

У Ольги звякнул телефон, пришла эсмэска.

МАРИАННА. Ну, вот, тебе ответ – что тебе делать. Напиши, пусть приходит сюда со всем своим аулом и порешит его, зарежет. Только напхни ему, что у него – пистолет.

ОЛЬГА. Он у него на стройке работает.

МАРИАННА. Они же все в торговле всегда, а твой что? «А этот выпал из гнезда?».

ОЛЬГА. Ну, что делать?

МАРИАННА. Да не играй. Видно ведь, что не дура. Нашла стиль: казаться глупенькой.

ВАЛЕНТИНА. Ко мне никто никогда не приставал.

МАРИАННА. Гордись. Сидим, два синих чулка. Настоящие библиотекари. Мне нажраться хочется. Выпьем. За вас, за нас, за Северный Кавказ. Бог трою любит, а Ленин пятилетку.

ВАЛЕНТИНА. Кинь ты ару этого, зачем тебе этот черножопый абрек нужен?

ОЛЬГА. Он русский. И зовут его Андрей.

МАРИАННА. Не включай блондинку. Я вижу: выбираешь - богатого и старого, или молодого с гор, «горняка». Кидайся этому на шею и благодари Бога, что выиграла счастье по трамвайному билету.

ОЛЬГА. Ему шестьдесят, у него пузо, у него волосы в ушах и в носу растут.

ВАЛЕНТИНА. У него четыре печатки золотых! И цепь золотая с килограмм! Ну и что, что с волосами? Знаешь, сколько у него денег?

ОЛЬГА. Тебе не стыдно?

ВАЛЕНТИНА. Не стыдно. Я пятнадцать лет в этой шараге. Цветочки на окнах, книги пыльные, тишина и покой. А мне секса и разврата хочется. Знаменитый Белинский, вон он висит. Чистенький. Чахоточный. А он писал: «Мне хочется оргий, самых буйных, самых бесчинных, самых гнусных, а мне говорят: сиди и пиши статьи про литературу!». Ботан и дрищ. А мечты какие были у него? Не хотел статьи, хотел оргий! Да все они были блядуны. Бабники. Развратники. А мы их вот читаем.

МАРИАННА. От статей к оргиям легко перейти. А вот от оргий к статьям – не сильно.

ВАЛЕНТИНА. Гнию в этих книгах. Задыхаюсь в пыли. Ничего не знаю про жизнь, только это вранье ихнее. Живу из копейки в копеечку с кошечкой и с собачкой. В магазинах на ценники смотрю всю жизнь. А мне рыдать хочется в этих «Пятерочках», в этих «Магнитах», в этих «Верных», и хочется взять самое дорогое и убежать из магазина.

МАРИАННА. Поймают, посадят.

ВАЛЕНТИНА. Пусть посадят, будут кормить хотя бы там, не надо будет рыться в гнилье. Кошечка и собачка встречаются у порога. Я костей покупаю в магазине. А продавщица: «Для собачки берете?». Ага, для собачки. Куриные ножки, куриные лапки, куриные жопки, куриные сердца, куриная печень. Сварю себе суп и жрем втроем. Они на полу, а я за столом. А мне тоже на пол надо ставить тарелку, потому что я живу хуже собаки. Или смотришь на счет за электричество и вспоминаешь: «Я же гладила белье в этом месяце, вот почему больше нагорело!». И погладить-то не могу!

МАРИАННА. И погладить некому. Ну, разошлась.

ВАЛЕНТИНА. А вы, Марианна Михайловна, чем похвастаетесь? Посоветуйте жить.

МАРИАННА. Я тебе советую: залепи газетою.

ВАЛЕНТИНА. А, у вас в доме кошечка, собака и попугайчик! И у меня лет через десять прибавится попугайчик. Как нет-то, как без этой святой троицы для старой девы?!

МАРИАННА. Я живу по средствам. Но вот в отличие от тебя моё богатство: книги и великая русская литература девятнадцатого века. Ты видишь среди гениев того времени

только развратников, потаскунов, а я вижу то, что выше этой пошлости, выше вашего желания, желания толпы и быдла залезть к гению в постель. Я живу в ней!

ВАЛЕНТИНА. В постели?

МАРИАННА. В литературе!

ВАЛЕНТИНА. «Молчи, скрывайся и таи, и чувства, и мечты свои!».

ОЛЬГА. Вдруг он услышит, хватит!

ВАЛЕНТИНА. Да и хрен на него. Пусть. «Нет, я серьёзно вам говорю!». Остонадоели вы мне все. Ольга, бери его за ноздри, за ноздри и веди, веди с собой!

ОЛЬГА. Кого за ноздри?

ВАЛЕНТИНА. Олигарха этого! Не нужен? Ну, отдай мне. У тебя же этот гастарбайтер, да? Я себе химию сделала. Я накрашилась сегодня. Вот, он придёт, а я верхнюю пуговку на кофточке расстегну и начну его тетешкать.

МАРИАННА. «Последний промысел: отдавать пса в женихи». Это про тебя сейчас.

ВАЛЕНТИНА. Да! Последний мой промысел!

ОЛЬГА. У меня парень есть.

МАРИАННА. Эта ара?

ОЛЬГА. Он дагестанец, еще раз говорю, а не ара.

МАРИАННА. Говорит, Андрей, на деле Абдулла. С гастарбайтером жить, это ж надо, а?!

ОЛЬГА. Он – не человек?

ВАЛЕНТИНА. Правильно, давай, с Андреем-Абдуллой, а я сейчас этого раскошегарю. Мне уже выть по ночам хочется. Я на всё готова. Только чтоб вырваться ...

МАРИАННА. Кудри взбивай, кофточку расстёгивай. Некоторые любят погорячее, как говорится. Но ты - уже не горячее, а просто – кипятик.

ВАЛЕНТИНА. Я вот ему про твою Абдуллу скажу ...

МАРИАННА. Нарываешься? Подгонит бульдозер, нас снесут к едрене фене!

ВАЛЕНТИНА. Вы с Анной Степановной мне про этот бульдозер уже месяц говорите. Пусть сносят. Это не жизнь.

МАРИАННА. Застегни скворечник, красными пятнами пошла, у тебя припадок.

ВАЛЕНТИНА. Это от вина от вашего говенного аллергия пошла. Пьете вино из коробок!

МАРИАННА. А ты из чего пьешь? Из бутылок?

ВАЛЕНТИНА. Буду пить из бочек на пляжах Доминиканы, поняла?!

МАРИАННА. Я молчу, я вот сяду в угол и ни слова. Посмотри на себя: ты как сетка с картошкой, со всех сторон выпирает, прёт отовсюду! А туда же!

ВАЛЕНТИНА. Неправда. Не прёт.

МАРИАННА. Ну, потряхни своей стариной, может, она и отвалится.

В дверь входят Анна Степановна и Владимир Николаевич.

Идут к столу, садятся, смеются. Владимир Николаевич снова положил на стол пистолет.

АННА СТЕПАНОВНА. Ой, заболтались мы! Девушки, Владимир Николаевич увидел наш сад, и беседку гнилую, и сказал – восстановит! Это просто нет слов!

ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ. Нет, я серьёзно вам говорю.

АННА СТЕПАНОВНА. Еще бы вот подпол вычистить. Там, говорят, закопаны покойники. Купец убивал домочадцев и в погребке закапывал. Я серьезно вам говорю.

ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ. Понимаю. Шутка.

АННА СТЕПАНОВНА. Нет, я серьезно говорю. А в саду мы сделаем летний театр, в беседке, да? И на свежем воздухе - концерты, спектакли, встречи с благодарной публикой, да? О, мы так подыдем уровень культуры в городе, что он просто зашкаливать будет!

ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ. Да, культурки-то надо. Нет, серьезно. Не хватает. Даже вот у меня на стройке. Слушайте, ну в принципе, конечно – матерятся люди на стройке.

АННА СТЕПАНОВНА. Какой ужас! Матом?! На стройке?! Кошмар!

ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ. Да! Я серьезно вам говорю. Матерятся. А культурки-то бы вот тут и добавить, и внепдюрить бы по самые гыгышары, как вы говорите.

АННА СТЕПАНОВНА. Ну, у вас же в основном, гастарбайтеры? Боже! Неужели они выучили самое плохое в русском языке? Вот, почему бы им не привить основы культуры? Им надо привить любовь к поэзии, к прозе, к Пушкину, Гоголю, Шолохову ...

ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ. Какой там к Пушкину-Гоголю-Шолохову. Не хотят. Их не победишь, этот народ. Особый и странный народ – мусульмане. Нет. Их не победить.

АННА СТЕПАНОВНА. Вы – победите. Я верю. Ведь вы – Владимир. А Владимир Красно Солнышко, значит – победитель. Вообще, конечно, у русских удивительные имена. Всё со смыслом и с подтекстом. Вот Марианна – значит, печальная красавица и горькая благодать! Соединение «Мария» и «Анна». Со мной, значит. Валентина – это значит, здоровая и сильная. Как Терешкова. Валя. А эти все нацмены – ну их ...

ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ. Знаете, я наполовину чуваш, хоть и Владимир. Да.

АННА СТЕПАНОВНА. Ну, что вы такое, Владимир Николаевич?! Я же в хорошем смысле про имена. И среди чувашей есть люди. А во мне вообще намешано столько крови разной: и еврейской, и польской, и немецкой, и даже цыганской. Вы не поверите, у нас был корпоратив на Новый год, так я танцевала цыганочку, у меня была юбка, черный парик! Так было прикольно, да, девочки, вы помните?

ВАЛЕНТИНА. Помним.

АННА СТЕПАНОВНА. Вот – Ольга. Это значит «святая», «ясная», «мудрая», «роковая».

ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ. Вы вообще, Анна Степановна. Нет, я серьезно.

АННА СТЕПАНОВНА. Ну, я ведь среди книг всю жизнь! Всем лучшим во мне я обязана книгам. Книга – источник знания. В доме ни одной книжки — плохи у хозяина детишки. Дом без книги – день без солнца. Золото добывают из земли, а знания из книг. Иная книга обогащает, а иная – с пути совращает.

ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ. Стоп. Я всё понял.

АННА СТЕПАНОВНА. Мы недавно проводили вечер, посвященный книгам, вот я и запомнила поговорки ... Да, мы проводим огромное количество тематических вечеров. И для ваших гастарбайтеров можем сделать! Например, цикл вечеров о жизни и деятельности одного человека называется «чтением». Вечера, посвященные проблемам науки и техники, называются «лекториями». Возможны также вечера, темами которых являются проблемы общественно-политической жизни общества ...

ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ. Тогда я вас оставляю. С вами, Ольга, до вечера, да?

АННА СТЕПАНОВНА. Стойте! Наиболее распространены вечера художественной литературы. Тематика литературных вечеров разнообразна. Литературные вечера

организуются в связи с датами, например: «Абаю - 100 лет».

ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ. Стоп.

АННА СТЕПАНОВНА. Идея! А если рассказать гастарбайтерам про Абая, а?

ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ. Не надо.

АННА СТЕПАНОВНА. У нас особое место занимают литературно-музыкальные вечера. А что, если им рассказать о Мусе Джалиле, скажем, а? Ну да, татарин был, но ведь тоже человек. Так вот, Муса Джалиль родился в ...

ВАЛЕНТИНА. Владимир Николаевич, Оля сейчас сказала мне, что занята будет вечером. Не может. А я на том корпоративе танцевала чувашский танец, девочки, помните?

МАРИАННА. Нет.

ВАЛЕНТИНА. Было! Ну вот. Я могла бы сходить сегодня в ресторан вечером вместо неё.

МАРИАННА. Резко.

ВАЛЕНТИНА. Да. Чувашский танец. Знаете, сколько во мне замешано крови? Вам и не снилось! Я вам так станцую, я так станцую ...

Входит Андрей.

АНДРЕЙ. Здрасьте.

АННА СТЕПАНОВНА. Это что такое? Тут закрытое мероприятие.

АНДРЕЙ. Дайте мне страшную книгу. Дайте мне самую страшную!

АННА СТЕПАНОВНА. Ах, Владимир Николаевич, мы забыли дверь запереть изнутри. Молодой человек? Мы закрыты на переучет, у нас банный день, рыбный день, короче – мы не работаем. И не орите, тут тихо всегда, тут библиотека!

АНДРЕЙ. Мне страшную самую книгу!

АННА СТЕПАНОВНА. Я могу вам дать книгу. Называется «Что люди говорили перед смертью». Последние, предсмертные слова. Ступайте.

ВАЛЕНТИНА. Про Кавказ, что ли, тебе надо?

АНДРЕЙ. Про Кавказ! Где кавказцы убивают всех и режут!

МАРИАННА. Спокойнее. Сейчас найдем. «Хаджи-Мурат» пойдет?

АННА СТЕПАНОВНА. Ладно, дай ты ему, что ему надо. Есть у нас ваша карточка в нашей библиотеке? Как ваше имя, фамилия?

АНДРЕЙ. «Андрей» по-русски. А по-нашему моя фамилия Мирзабеков, а зовут меня – Абдулфаттах. Абдулфаттах – значит: раб победителя! Раз стоим, смотрю, он обостряет, я его нежданул, он по мелочи потерялся... Бах-бух, зарубились, короче, мы с ним... Я раз его на обратку кинул...

АННА СТЕПАНОВНА. Вы по-каковски, товарищ? Я рада, гражданин Абдулла. Вы только так вот не кричите и не вращайте глазами, мы не боимся. И помните, молодой человек, что вы в этой стране – гость.

АНДРЕЙ. Я гражданин России!

АННА СТЕПАНОВНА. Давайте отсюда. Моментом – в море.

АНДРЕЙ. Оля, молчишь? Она мне эсэмэс прислала, что тут опять ...

ОЛЬГА. Анна Степановна, Марианна Михайловна, Валентина Петровна, Владимир Николаевич, позвольте ... Хорошо, что Андрей ... Я позвала его ... Я хочу вас с ним

познакомить. Андрей – мой жених. У нас свадьба через месяц. Познакомьтесь.

Молчание.

ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ. Нет, вы это серьёзно?

МАРИАННА. Они сошлись, вода и пламень, стихи и проза...

АННА СТЕПАНОВНА. Это что еще? Это просто - капец. Молодой человек, освободите.

АНДРЕЙ. Оля, пойдем. Она прислала мне эсэмэс. Вы, Аннета Степановна, нехороший человек. Вы хотели тут - шпили-вили.

АННА СТЕПАНОВНА. Владимир Николаевич, не обращайтесь на него. Он почему меня Аннетой называет? Ты что тут своё звякало разнуздал, клюв раззявил, Абдулла?

АНДРЕЙ. Это харам. Вы тут придумываете всякое, если чё, да?

ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ. Я так понял, ты на меня ишачишь, э, ты, Максуд?

АНДРЕЙ. На вас. Нормально говорите, да? Стыдно вам. Я не Максуд.

ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ. Ты кто такой, пацан?

АНДРЕЙ. У вас много наших. Там брат мой. И еще брат. Нормально разговариваю, нет?

ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ. Послушай, ты, раб. Какая-то чурка приходит и права качает? Ты бессмертный, да?

АННА СТЕПАНОВНА. Что? Не можете защитить?! Я работу даю, я помру сейчас!

Анна Степановна толкнула тарелки со стола, завывала и упала на диванчик, так что облачко пыли поднялось в воздух и скрипнули старые пружины.

Божечки! Владимир Николаевич, не слушайте его, их, её, а только меня слушайте!

АНДРЕЙ. Вы знаете, что вы ей деньги даете, а она их себе на карман поклала! Она ездила в Турцию, а врала, что огород у сестры садила! Нормально говорю!

АННА СТЕПАНОВНА. А ты что хотел, чтобы я к тебе в Дагестан поехала?!

Владимир Николаевич берет пистолет со стола.

ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ. А ну молчать всем. Я сейчас ваше кубло спалю ... Нет, я его бульдозером ... Нет, я его танком ... Нет, я его гранатомётом ... Постойте ...

Владимир Николаевич выходит.

АННА СТЕПАНОВНА. Господи, он в кого там стрелять будет?!

ВАЛЕНТИНА. Он застрелится?!

МАРИАННА. Нет, в воздух будет!

ОЛЬГА. Андрей, он убьет сейчас тебя!

Все визжат, стонут.

Темнота

Занавес

Конец первого действия.

ВТОРОЕ ДЕЙСТВИЕ

Там же. Те же. Пять минут прошло.

Анна Степановна стонет на диване. Все стоят вокруг неё.

ВАЛЕНТИНА. Что, Оля? Вот тебе и тематическое малиновое день рождения. Думала: вот, нашла я себе тихенькую, славненькую работку, вот тут книжки стоят, вот пыль тёплая в воздухе летает, мышки в подполе скребут, тишь и гладь, и Божья благодать – живи, не

хочу, так? Нет, не так, Оля. Тут у нас, Оленька, страсти, такой Шекспир кровавый. Тут посреди шедевров мировой литературы такое творится, что все Толстые и Чеховы рыдают по ночам на всю библиотеку, от зависти рыдают, что не написали про нас ничего, про библиотекарей! А вот написать бы про нас ...

МАРИАННА. Медведенко ты наш: «Написать бы про то, как живет наш брат, учитель. Плохо, плохо живётся ...»

ВАЛЕНТИНА. Не несут меня ноги, Марианночка, в эту фабрику грёз.

МАРИАННА. Ну, и сиди дома, кто толкает?

ВАЛЕНТИНА. Я хоть выход ищу из положения, а ты успокоилась. Успокоилась и кушаешь себе свою собачку, свою кошечку и своего попугайчика. А я не хочу!

МАРИАННА. А ты куда пойдешь? Собралась с цыганами бежать? Ну, давай, вали, беги. Цыган только у нас округе нету.

ВАЛЕНТИНА. Я прочитала на днях, что британские ученые выяснили, на что женщина обращает внимание, когда смотрит на мужчину ...

МАРИАННА. Как не доверять британским ученым ...

ВАЛЕНТИНА. На попу они прежде всего смотрят! Если бы, Марианна Михайловна, повстречался бы сегодня великий русский красавец с упругой попой, то, как ты думаешь, Марианна Михайловна, не забила бы ты сходу большой болт на великую русскую литературу как девятнадцатого, так и двадцатого века? Нет, не забила бы?

МАРИАННА. «Не противься ж, Валенька, он тебя не съест, золоченый, маленький твой крестильный крест!».

ВАЛЕНТИНА. Ходила я, Марианна, в церковь много, долго, часто. Вся ладаном пропахла, всё просила Бога о счастье. Не помог. Молилась, шишки на лбу набивала ...

МАРИАННА. Плохо молилась.

ВАЛЕНТИНА. Хорошо молилась. Просто – нет его. Бога-то. Нет.

МАРИАННА. Русская и такой цинизм, такие слова! Рот скотчем заклей!

ВАЛЕНТИНА. Ты и в словах пафосных, и в одежде стала похожа на нее. Ну, капец просто. Две капли воды.

АННА СТЕПАНОВНА. Я еще жива. Я слышу.

ВАЛЕНТИНА. Жива, жива. А помрет – ты станешь завбиблиотекой, нет? Говорит красивые слова, охает и ахает, а внутри ничто не шевельнется. Королева говна и пыли.

АННА СТЕПАНОВНА. Замолчите все!

ВАЛЕНТИНА. Ты ее смерти ждешь?

МАРИАННА. А что должно шевельнуться в душе моей?

ВАЛЕНТИНА. И ведь на грамм не верят, ни та, ни другая в то, что их поганый рот, открываясь, произносит. А он всё открывается и открывается, просто так - по привычке, потому что говорить-то что-то надо, не молчать же. Он открывается, как заведенный, как у робота, и несет поток хероты какой-то немыслимой.

МАРИАННА. Сама закройся, не у стоматолога. Сейчас бульдозер подъедет и тогда ...

АННА СТЕПАНОВНА. Я выйду, под бульдозер лягу!

МАРИАННА. Не ляжете.

АННА СТЕПАНОВНА. Ляжу! Это мой дом, я тут сорок лет прожила, проработала!

ВАЛЕНТИНА. Бульдозер – это лучший вариант. А если бензином или гранатометом ...

АННА СТЕПАНОВНА. Это памятник архитектуры и культуры, один из самых красивых домов города! Напротив – мэрия!

АНДРЕЙ. Я его ушатаю за такие предьявы!

МАРИАННА (*Андрею*). Что вот ты тут? Орлом поднебесным лечу над землей, а?!

АНДРЕЙ. Я не говорил так, да!

МАРИАННА. Не говорил? Вот что ты сюда прибежал, ты, ломом подпоясанный?!

АНДРЕЙ. Красиво делай – нормально будет.

МАРИАННА. Чего? Ты на каком языке?

АНДРЕЙ. Оля написала эсэмэс. Чё вы мутите? Нормально говорите, да? Суету не наводите, да? Я нормально по русскому говорю, не надо.

МАРИАННА. Ну, и что прибежал? Ну, и что ты ему сделаешь?

АНДРЕЙ. За базар отвечаю! От души! Правда должна быть!

МАРИАННА. Да помолчи! Тут Россия! наших порядков не знаешь?

АНДРЕЙ. Он махаться хотел, да? А я что: сидим на люстре, семечки хаваем? А что, промолчать, да? И не делать, да? Он чё от жизни хочет?

МАРИАННА. Ну, ляг под бульдозер, давай! Может, он ехать побоится.

АНДРЕЙ. Не поедет. На бульдозере Арслан, мой брат.

МАРИАННА. Весь аул тут прописался! Чего в горах не сидите, чего понаехали?

АНДРЕЙ. Мы не понаехали! Нормально говори, да?

МАРИАННА. Думаешь, брату твоему не надо работу, и он её так и бросит ради тебя?

АНДРЕЙ. Тогда он мне не брат!

МАРИАННА. Да хватит! Жди, что сейчас загудит под окнами ...

АННА СТЕПАНОВНА. Не загудит. Я ж говорю: это памятник.

МАРИАННА. Да в рот ваш памятник. А всё из-за тебя, Али-баба. И это только начало. А дальше крышка. Всем нам, если отсюда удерем, будет крышка.

АНДРЕЙ. Я его по ходу зарежу.

МАРИАННА. Да сядь ты! Скачет!

АНДРЕЙ. Я всю его домовую книгу порежу!

МАРИАННА. Сядь! Мелет. Орел! Ну, что делать? Блин, ну, как на Курской дуге мы: не знаешь, с какой стороны фашисты нападать станут.

ВАЛЕНТИНА. Вот и мы будем выжидать, как они тогда. Только ждать, что он явится и придаст нам ускорение: пинка под зад.

АННА СТЕПАНОВНА. Я знаю! Мне надо умереть, и тогда ничего не будет!

ВАЛЕНТИНА. Да что вы разыгрались, Анна Степановна? Чего развалились? Кого ждете?

АННА СТЕПАНОВНА. Я умру и своей смертью спасу вас! Девочки, я ведь уже очень давно жду звонка с неба!

МАРИАННА. Хватит! Не позвонят! А позвонят, так вы трубку не берите!

АННА СТЕПАНОВНА. Она сама поднимется, трубка, когда позвонят! А ты первая побежишь, когда с неба позвонят! Ждешь, чтобы стать завбиблиотекой!

МАРИАННА. Сказать? Раньше – ждала, а теперь – нет. Ай! Остонадоели вы мне все!

ВАЛЕНТИНА. Хватит! Вставайте, тикать надо!

АННА СТЕПАНОВНА. Куда тикать? Что значит – тикать?

ВАЛЕНТИНА. Тикать – значит: бежать. Бежать. Не включайте блондинку.

ОЛЬГА. Он дверь запер центральную. И черный ход перекосило, не выбраться.

АННА СТЕПАНОВНА. Я никуда тикать не буду. Это мой дом. Я тут всю жизнь прожила, проработала тут, тут каждый сантиметр мне знаком и дорог ... Куда я отсюда? Тут помру. И вы меня вперед ногами отсюда вынесете ...

МАРИАННА. Я ведь знала, что вы половину денег присвоили! В Турцию, да? А нам сказали, что картошку садили у сестры в деревне, да? Мы вас две недели ждали! Она приехала, я смотрю: что это она так сильно лицо белым гримом намазала? Я еще подумала: где она так сильно в деревне загорела? И вот – выясняется!

АННА СТЕПАНОВНА. Я старая, мне 65 лет, я что видела, кроме этой засраной библиотеки?

ВАЛЕНТИНА. Вы же только что говорили, что это ваш дом родной.

АННА СТЕПАНОВНА. А ты больше слушай! Дели на тридцать три!

МАРИАННА. А я что видела? Вам меня не жалко? А она что видела? У нас вот только Ольга, может, увидит что-то. Горы, сакли, родники, военно-грузинскую дорогу, Махачкалу или что там у вас еще на Кавказе есть?

АНДРЕЙ. У нас всё есть! Нормально говори, да? За базар отвечаю! Я не олень! Чё ты быкуешь?

МАРИАННА. Да, да. Верю. У вас там всё есть, только едете вы оттуда почему-то сюда!

АНДРЕЙ. У нас всё есть, только денег нет!

МАРИАННА. Еще раз спрашиваю: какого черта ты приперся сюда и всё испортил?

АНДРЕЙ. Я ее люблю! А она, Аннета Степановна, толкает её к нему! Харам! Нормально делай – красиво будет!

АННА СТЕПАНОВНА. Какая я тебе Аннета? Я Анна! Анна!

АНДРЕЙ. А так обиднее чтоб было. Аннета! Стыдно вам так. Харам!

АННА СТЕПАНОВНА. Раз ты так хорошо по-русски, я скажу тебе: «Своя рубашка ближе к телу!». Что значит: о себе думай прежде. Никто ее не толкал к нему. Ну, пококетничала бы, поиграла бы с ним – да и досвидос!

АНДРЕЙ. Вы старая выблитека, вот.

АННА СТЕПАНОВНА. А ты молодая выблитека? Хач, даг, чурка! Али-Баба, чертов чертяка! Вот помру – тебе стыдно станет!

ВАЛЕНТИНА. Хватит! Ну, что вы развалились? Ну, милицию вызывайте или хоть что-то такое сделайте, а?

АННА СТЕПАНОВНА. У него вся милиция куплена. Разве что только Владимира Владимировича вызвать.

МАРИАННА. Дух Маяковского, что ли?

АННА СТЕПАНОВНА. Отстань, не понимаешь будто!

МАРИАННА. А зачем он стрелял? В кого он стрелял?

АНДРЕЙ. Да не стрелял он. Он трус. Пугает всех пистолетом, а он не настоящий. Я – не очкошник! Мы спим с оружием! Нормально делай – красиво будет, да!

АННА СТЕПАНОВНА. Где вы там спите?

АНДРЕЙ. В горах!

ВАЛЕНТИНА (*смотрит в окно*). Никого нет, пусто на улице. Куры вон бегают, ветер шумит, тополя качаются. Июнь.

АННА СТЕПАНОВНА. Не слышно?

МАРИАННА. Чего?

АННА СТЕПАНОВНА. Бульдозера?

МАРИАННА (*встала рядом с Валентиной, тоже смотрит в окно*). Да пусть едет, пусть сносит. Кому она нужна, эта библиотека, кроме нас с вами, кроме тех, кто тут пригрелся, пристроился и зарплату получает? Кому? Вот ему? Он букв русских не знает.

АНДРЕЙ. Знаю! Нормально говори!

МАРИАННА. Помолчи. Крысы, мыши, мхом всё обросло, из подвала воняет, мох лезет из подпола сквозь линолеум, не видите? Людей живых нет, никто сюда, в этот очаг, ни ногой! Всё сгнило, двухвостки полуметровые бегают по полу. Ходишь и боишься наступить, боишься, что укусит какая зараза, или наступишь на жука на какого-то – и треск стоит. Или откроешь книгу – а оттуда какая-то падаль выпадывает. Или в угол смотришь: а там паучище жирнющий сидит, ждет добычу. Вот смотришь на него и думаешь: это ты, ты добыча этого паука.

АННА СТЕПАНОВНА. Начиталась книжек классиков социалистического реализма. Кому ты нужна, каким паукам, кто на тебя сети расставил? И не ври, к нам ходят, не ври! На вечере «Дощатов в сердце моем!» полгода назад было аж 15 человек!

ВАЛЕНТИНА. Вместе с нами. Еще три сестры были и дядя Ваня. Плюс - прибабахнутый писатель-краевед. И всё! А вечером тут - там кто-то ходит по второму этажу, доски скрипят, страшно жутко. Если там свет не горит, то меня хоть палкой бей, я туда не пойду.

МАРИАННА. Это дух купца Авдеева ходит. Он убил топором всю семью, вот тут, в этой комнате. Разрезал всех на куски и закопал в подполе. А мы живем, ходим.

АННА СТЕПАНОВНА. Хватит сочинять. И так страшно, а ты добавляешь.

МАРИАННА. Никто не врет. Всех убил, разрезал, закопал и сам повесился.

ВАЛЕНТИНА. От водки?

АННА СТЕПАНОВНА. От отчаянья. Как я сейчас.

МАРИАННА. Вон, крюк в потолке висит, еще с тех времен. На нем и повесился.

ВАЛЕНТИНА. Не крюк это, а кольцо. Там на потолке кольцо, чтобы подвешивать колыску, колыбельку для ребенка. А вот тут в углу стоял загончик такой и по весне там всегда маленький теленок был. Я знаю, у нас так было в деревне. У теленка ноги были скользкие и они всё время разъезжались. А потом с копыток слезала тоненькая кожа и он начинал ходить. И в доме всегда пахло молозивом, навозом и теленком.

АННА СТЕПАНОВНА. Купец Авдеев был хорошим. Порядочный и уважаемый человек.

Страху нагоняете. Он был меценат, он построил церковь на берегу реки! Его любили все!

ВАЛЕНТИНА. Меценат, ага. Девок молодых щупал, а потом церковь построил. Владимир Николаевич тоже меценат: копейку даст, а отчету требует на рубль.

АННА СТЕПАНОВНА. На моей памяти четыре века было, четыре поколения. И вот пришло последнее, которое я вижу перед смертью.

ВАЛЕНТИНА. Что вы себя опять хороните?

АННА СТЕПАНОВНА. Последнее, да. Новая жизнь не похожа на ту старую, на нашу, на нашу молодую. Никакой тишины, почтения, никакой ленивой кротости. Народ стал бойким и проворным, как татары, все торгуют и продают, будто это и не русская земля.

АНДРЕЙ. Не продают и не торгуют, а работают. Я работаю на стройке. Нормально говорите, да? И тогда красиво будет.

АННА СТЕПАНОВНА. И русских не встретишь: китайцы, таджики, узбеки или вон – кавказцы. Как будто от нашего старого купеческого дома побежала новая улица. У нас возле дома колдобины, буераки и ямы с грязью, а там – свет горит, освещает новые вывески и всю гадость из телевизора. На улице никто не здоровается. Я тут жизнь прожила. А меня никто не знает. Я хотела нести свет в людей, в массы. Меня никто знать не хочет. Дурная бабка в свитере «Келвин Кляйн».

ОЛЬГА. А зачем вы его носите?

АННА СТЕПАНОВНА. А ты зачем вся в люрексе? Затем и ношу, что я вся красивая и молодая быть хочу, а еще потому, что – понравилось оно мне. А я ли была не конь вороной? Меня тут, в этой библиотеке в пионеры принимали. Вот как раз на этом месте, под бюстом Владимира Владимировича. А потом и я принимала всех в пионеры. Тоже тут. Я была командир дружины. Но новая жизнь лезет из обочин, шахт, грязная и вольная, гламурная и наглая. Жулики кругом. Машины едут, а в машинах музыка орет на всю улицу. А тем, кто в машине, наплевать на всех, что все спят. Они-то ведь не спят, и их не волнует ничего и никто, кроме их самих. И откуда всё это, из каких колодцев грязных и тёмных вылезло? Новое поколение идет без упрямства, степенности, истинной веры, не своевольное, оно без гордости, оно без страстей. Нет, в старину люди были совсем, совсем другие, не эти нынешние.

МАРИАННА. Вы сейчас прям как будто словами из пьесы говорите. Островский прямо: «В старину люди были другие! Раньше были дубы, а теперь пни!».

ВАЛЕНТИНА. Это Чехов, «Чайка».

АННА СТЕПАНОВНА. Да ладно уж, дословно или не дословно. Хоть это помню. В советское время люди были другие. Господи, почему так всё быстро поменялось? Почему люди так поменялись? И всё на моих глазах, всё в моей жизни. Мама и папа свято верили в светлое будущее, на их глазах ничего не разрушалось, они ушли с верой, что дальше все будет идти так же, как шло при их жизни. Почему так всё поменялось? Всё продается. Всё покупается. Никакой жалости к бедным, несчастным, убогим. Никто никого не жалеет. Вы видите, что кто-то кого-то жалеет? Все ненавидят друг друга. Все разбежались по своим норкам-квартиркам, и сидят в интернете. Надуваются, как жабы, от злобы и зависти друг на друга. Ведь богатыми же стали!

ВАЛЕНТИНА. Потому что Бог дает, а черт не пускает!

АННА СТЕПАНОВНА. Почему всё так стало, почему всё так поменялось? Ведь не было же этого ни в ком, и вдруг откуда повылазило, повылезало? Как в «Вие» - упырь на упыре, и они вылезли из разных углов, и ничего человеческого ни в ком нет.

ВАЛЕНТИНА. Поднимите мне веки. Как вы поменялись, это увидите. Пионеркой,

комсомолкой были? Пионер, в борьбе за дело партии будь готов? Готовы? А вы сейчас перед этим дебилом, ничтожеством, ворюгой и убийцей на задних лапах стоите. Ольгу вон решили ему подложить, как последняя сводня, не так, нет? Себя не видите? Кого винить-то? «Почему всё так поменялось?!». Да потому что после Турции хочется еще и в Испанию. А после нее в Доминикану. Хап да хап. Всё мало.

АННА СТЕПАНОВНА. Ты кому это – мне? Я нищая, как церковная крыса. Какая Доминикана? Всю жизнь в этой библиотеке просидела, дура, а зачем?

МАРИАННА. Как в анекдоте: блуждая между пыльными полками, незамужняя 42-летняя библиотекаряша Люда мечтает, чтобы нестарый, приятный в общении читатель взял ее на 10 дней и вернул совершенно потрепанной...

ВАЛЕНТИНА. А куда пойти? На трассе в киоске шаурмой торговать? Веселее там? А я пойду. Абдулла, не твои там земляки торгуют? Не сможешь меня устроить?

АНДРЕЙ. Я – Андрей, а не Абдулла. Могу. Там мой дядя и брат мой там. Нормально говори – красиво будет.

ВАЛЕНТИНА. Как я угадала. А что ты не с ними? Ведь вы, куда не ступите, везде сразу же тут же лавку, магазинчик, киосчек, торговую точку открываете, нет? Шашлычок, самса, долма, пловчик, нет? В городе у нас всего пять магазинов и везде кавказские парни на месте директоров. Только торговать. А ты на стройке. Но не рабочий, а бригадир, так?

АНДРЕЙ. Так. И что? Особо копейки нету. Мы умеем торговать! Нормально говори.

ВАЛЕНТИНА. Ольга, не связывайся. Он тебе сделает веселую жизнь. Гарем займет, а ты будешь самая нелюбимая. Носки стирать и посуду мыть будешь.

АНДРЕЙ. Всегда во всем кавказцы у вас, у русских, виноваты. Все русские хорошие, а мы все плохие? Вы все работать не любите, а мы любим деньги зарабатывать. Я всегда хожу в галстуке и в пиджаке, чтобы все знали, что все люди с Кавказа – приличные люди! Вот так! Одеколон у меня хороший! «Шанель» мужской!

ВАЛЕНТИНА. Знаем. 500 рублей на рынке. «Турецкая версия» называется.

АНДРЕЙ. Нет!

ВАЛЕНТИНА. Да! Ну, устроишь меня в шаурму? Там круглые сутки машины останавливаются, шофера красивые. Или страшные и не женатые, а может – в командировке и потому свободные. Может, какой возьмет, да увезет меня.

МАРИАННА. Едут мужик с бабой в одном купе. Делать нечего, мужик предлагает: «Давайте по первой и последней буквам отгадывать профессии. Вот моя, например, на «и» начинается, на «р» кончается». Баба говорит: «Инженер»? А вот моя на «б» начинается, на мягкий знак кончается». Помолчала и говорит: «Вообще-то, моя профессия библиотекарь, а то, что вы подумали — мое хобби».

ВАЛЕНТИНА. Не слушаю. Закрою шаурму на палочку, волосы распушу, юбку выше колена сделаю, прыгну к нему в кабинку и увезет он меня в жаркие страны, где пальмы и песок. А может и на Кавказ!

Плачет, стоит у окна. Марианна рядом стоит. Тоже плачет.

ОЛЬГА. Может, в окно выбросить белый флаг и помахать им?

ВАЛЕНТИНА. Скатерть порву, на палку от швабры, чтоб понятно было, что мы сдаемся.

Столкнула со стола остатки еды и стаканы, порвала скатерть, привязала к швабре, открыла окно, машет, будто флагом. Села на подоконник, слезы вытерла.

Нету никого там. Пусто на улице. Идиотка я, какая я дура, слов нету ... Ага. Прям Ассоль и «Алые паруса», машу кому-то ...

Молчание.

МАРИАННА (*смотрит в окно*). Какой сад запущенный. Крапива да малина. Дуриком расту, сами. Сколько бесполезного в природе. Вот я – зачем? Как малина или как крапива, которую никто не собирает, никому не нужна. Кошки бездомные среди кустов ползают. Их крапива не жалит. А когда-то, поди, тут был мир и порядок, и сидел купец посреди беседки, рядом с ним еще не убитые им дети и жена сидели, чай пили, слушали, как мухи жужжат и улыбались чему-то своему хорошему и думали, что так будет вечно. Прямо вижу, как идут и гуляют с гимназистами по дорожкам его дочери – в белых, в голубых платьях с рюшками. Как красиво. И ничего теперь нет. Крапива и дикая малина.

АННА СТЕПАНОВНА. Вы думайте, что делать.

МАРИАННА. Мне это напоминает вопрос из интервью какого-то писателя: «Что делать за минуту до атомного взрыва?»

АННА СТЕПАНОВНА. И что он ответил?

МАРИАННА. Он хотел ответить, что надо простынью накрыться и ползти к кладбищу, но сказал: «Душа обязана трудиться и день, и ночь, и день, и ночь!». И что он за минуту до атомного взрыва сидел бы и писал бы продолжение романа или рисовал бы яблоко.

АННА СТЕПАНОВНА. Идиот.

АНДРЕЙ. Ольга, я хочу тебе тут сейчас сделать предложение. Нормально будет.

МАРИАННА. Нашел время! Самое время! За минуту до атомного взрыва начинай новую жизнь. Валя, ты машешь там флагом? Махай дальше.

АНДРЕЙ. Вот кольцо. При всех. Стань моей. Нормально будет.

Встал на колени, достал из кармана коробочку, протягивает Ольге кольцо.

ОЛЬГА. Андрей, но ...

ВАЛЕНТИНА. Давай, я вместо нее?

ОЛЬГА. Нет, Андрей. Это не ко времени, не до того...

МАРИАННА. Давайте, все уйдем через черный ход ...

ОЛЬГА. Да он завален, твой задний проход, не выйти, говорят же. Двери перекосило от сырости!

ВАЛЕНТИНА. Иммигрируем? На Кавказ? Или он нас как собак перестреляет ...

АННА СТЕПАНОВНА. Да нас-то, старых, за что? Пусть вон молодоженов ...

МАРИАННА. Вы, молодая гвардия, и правда - разберитесь с ним, а? Из-за вас ведь начался сыр-бор. Или хотите нас без работы, город без библиотеки оставить?

АННА СТЕПАНОВНА. Меня тут в пионеры! В читательном зале, как этот говорит!

МАРИАННА. Так говорите, словно на небесах! Опять: «Пионеры, пионеры!»?!

АННА СТЕПАНОВНА (*плачет*). Да, я жила тогда, как на небесах, счастливая! А сейчас нет! У нас ничего не было, но у нас было всё. «Мы были нищие, но в наши дни ...» Я забыла эти стихи!

ВАЛЕНТИНА. Часть первая – помолвка. Часть вторая - убийство без расследования. Сериал – барахло.

АННА СТЕПАНОВНА. Выпьем, а? У меня маленькие бутылочки коньяка есть. Я их везде всегда за книги рассовываю. Рассовывала раньше.

ВАЛЕНТИНА. Вот почему вы любите в глубь стеллажей ходить, книжки переставлять.

Будто пыль там вытираете, а на деле ... А ведь я уборщица тут на пол-ставки.

АННА СТЕПАНОВНА. Рюмочку, глоточек для цвета кожи. Там у меня и лаврушка, зажевала - и вышла к читателям с улыбкой.

ВАЛЕНТИНА. Лаврушкой по старинке? Жвачка продается.

АННА СТЕПАНОВНА. Ищите идите, я встать не могу. За собраниями сочинений моих любимых писателей.

МАРИАННА. Значит, Пушкин, Гоголь, Достоевский, Чехов, Мамин-Сибиряк.

АННА СТЕПАНОВНА. Нет, последнего я не люблю. Его на Урале идиоты любят. Я люблю желтенького десятилетнего Алексея Константиновича Толстого. Пятьдесят седьмого года издания. Проверьте!

Все идут, роются в книгах, приносят кучу бутылок.

МАРИАННА. Дак тут прям как на кавказскую свадьбу, со щедростью.

АННА СТЕПАНОВНА. Пусть это будет вам на помолвку. Мне моя тётя оставила в наследство пятнадцать лет назад квартиру.

МАРИАННА. Первый раз слышу.

АННА СТЕПАНОВНА. Я не говорила. Я квартиру продала, поменяла на доллары, доллары рассовала по книгам по тысяче. 15 тысяч. 15 книг. А потом забыла, куда рассовала. Сколько не искала – найти не могла. А потом подумала: пусть на черный день.

МАРИАННА. Мы же книги людям на дом выдаем? А вдруг ...

АННА СТЕПАНОВНА. Я рассовала в своих любимых. А мы выдаем только говно: детективы и фэнтэзи. А я читаю СПИД-инфо и больше ничего. Тоже, как и все.

ВАЛЕНТИНА. Я пойду, пороюсь, может, найду.

АННА СТЕПАНОВНА. Ищите. Мне всё равно. «Навозну кучу разрывая, петух нашел жемчужное зерно ...»

Все идут, листают книги, ставят их снова на место.

Анна Степановна плачет на диване.

Забирайте всё, что найдете. Думаете, мне жалко? Да ни капли. Я, когда продала тетину квартиру, пришла сюда в библиотеку, никого не было, и я кинула пачку денег вверх, и они легли тут, и лежали ковром, а я смотрела на них и плакала. Думала, вот какая я богатая. Полчаса ходила тут, собирала деньги, потом стала пересчитывать, резинкой по кучкам перевязывать. Но так и нашла штук десять бумажек.

АНДРЕЙ. Да вон они лежат. Нормально говорю.

АННА СТЕПАНОВНА. Где?

АНДРЕЙ. На люстре.

Встал на стул, снимает с люстры деньги, отдает их Анне.

АННА СТЕПАНОВНА. Божечки, и правда. Столько лет лежали. В пыли. Пожелтели, почернели. Их теперь никуда и не примут. А как я их и не увидела? Всю жизнь в землю смотрю. В пол. А надо хоть иногда голову задирать на небо, на звезды. Вот дура.

МАРИАННА. Шестой том Достоевского. В «Бесах» припрятаны. Прям на начале романа.

ВАЛЕНТИНА. И я нашла. Второй том Чехова. «Калхас. Лебединая песня».

ОЛЬГА. Десятый том Толстого. Желтенький который. Повесть «Гадюка».

АНДРЕЙ. «Кавказские поговорки». Такая книга есть. А? Поговорка: «Не деньги главное в жизни, а люди».

Сложили деньги кучкой перед Анной Степановной.
Она сидит, смотрит на деньги и плачет.

АННА СТЕПАНОВНА. Ну, и что мне с ними? Это ж сколько денег столько лет было запрятано, а? А я, дура, и не знала. Могла бы весь мир объехать.

МАРИАННА. И никто не нашел. Столько лет никому книги не выдавали, что ли?

ВАЛЕНТИНА. Не выдавали никому 15 лет.

Входит Рузанна.

Все вскакивают.

РУЗАННА. Я от Владимира Николаевича. Пришло.

АННА СТЕПАНОВНА. Что?

РУЗАННА. Ну, подтверждение, что он дворянин.

АННА СТЕПАНОВНА. Пришло, всё-таки?

РУЗАННА. Ну, мы знали, что оно будет.

АННА СТЕПАНОВНА. Не убивайте нас! Двери библиотеки открыты для вас всегда! Вход свободный на все наши тематические вечера!

РУЗАННА. Я гляжу, у вас коньячок, бабки, доллары. Владимир Николаевич был у мэра сейчас, потом говорил в отделе культуры со Степаном Петровичем. Нам так повезло, дружили в девяностые. Степан Петрович – единственный мужчина во всей России, занимающийся культурой на посту начальника департамента культуры. Везде - женщины, а здесь нужна мужская рука ...

АННА СТЕПАНОВНА. Да, он нас, он нашу библиотеку держит в ежовых

РУЗАННА. Ну, вот видите. А зачем? Вы пожилая женщина, а вас мнут в ежовых рукавицах. Я очень рада, что я из секретарей пошла на повышение.

АННА СТЕПАНОВНА. То есть?

РУЗАННА. Степан Петрович издал приказ, чтобы я стала заведующей библиотекой с сегодняшнего дня. А потом мы ее перепрофилируем в Дворянское собрание. А то людям известным и знаковым в городе собираться просто вот абсолютно негде. Много стало дворян у нас сейчас.

МАРИАННА. Какое собрание?

РУЗАННА. Ну, здесь лепнина. Люстра. Всё по-дворянски.

ВАЛЕНТИНА. Тут купец жил, он не дворянин!

РУЗАННА. Много вы понимаете.

АННА СТЕПАНОВНА. Понимаем. А, ну да, не понимаем.

РУЗАННА. Нет. Не понимаете. Все уволены. Мы тут везде красные занавески повесим. Диванчики поставим. Будем проводить тематические ...

АННА СТЕПАНОВНА. Вечера?

РУЗАННА. Нет, караоке. Тематические караоке. Во дворце культуры как-то пошло: мрамор, люстры и всё такое. Хотя там такой срач в этом дворце ... Ну, понимаете, да? А тут очень необычно. Мы решили, что здесь теперь будет собираться элита, селебрити, так сказать, города Дощатова. Все, чтобы, понимаешь, в платьях в таких старомодных чтобы. И так далее. А то скучно одно и то же на всех корпоративах. Там официоз. А тут так по-домашнему. Старинной пахнет. Печку будем топить. Тем более, только что выяснилось, как я уже выше сказала, что Владимир Николаевич из дворян. А отсюда можно и до

департамента культуры добраться. Степан Петрович собирается на заслуженный отдых. Устал руководить вами, культуркой этой. Ну, и запашок у вас. Откройте окна.

Все побежали, открыли окна.

Ветер застучал занавесками, шевелит уголки газет и журналов.

Да, цвет жуткий. Везде красные шторы и побольше диванчиков. Все эти стеллажи сдвинуть надо. Вы, молодой человек, тут разнорабочий? Уже можете начинать.

МАРИАННА. Одной ногой пишет, другой зачеркивает.

РУЗАННА. Вы что-то сказали?

МАРИАННА. Я молчу, как мертвая лошадь.

РУЗАННА. Ну, всё. Я, властью данной мне от Бога, то есть, от Степана Петровича, должна навести порядок. Вы же старые, у вас уже лица от этой пыли желтые. Думаю, тут весь этот книгофонд выкинуть. Оставить только книги с красивыми обложками. А то они все серые. Надо побольше цвета.

АННА СТЕПАНОВНА. Владимир Владимирович говорил: «Я сразу смазал карту будня, плеснувши краску из стакана! Я показал на блюде студня косые скулы океана».

РУЗАННА. Надо слушать нашего президента, раз он так сказал. Молодой человек, все лишнее на помойку. Вот всю эту серую половину стеллажей вынести. Сюда на стенку телевизор повесим. Как без «Первого канала» жить, не понимаю. Тут будет мини-бар, тут будет стоять кофейный аппарат. Девушки и не девушки, мне вас жалко, но нужна болевая, шоковая терапия. Тут будет Дворянское собрание. Мэр, начальник управления культуры и Владимир Николаевич Задойный. Звучит.

АННА СТЕПАНОВНА. А Анна Степановна Удельная – не звучит. Всегда звучало.

РУЗАННА. А перестало. Первые дворяне в городе. Возрождение России. Статусное место тут будет.

МАРИАННА. Ад пуст. Все черти на земле. Дак я тут дворник на пол-ставки.

ВАЛЕНТИНА. А я на пол-ставки тут уборщица.

РУЗАННА. Нам не надо никого на пол-ставки. Мы на полную найдем что-то получше.

МАРИАННА. А мы готовы на пол-ставки ...

РУЗАННА. Идите, а? Документы позже. *(Андрею).* И вы - или работайте или идите?

МАРИАННА. Он пришел за самой страшной книгой. А ему говорят, что ее выдали. Книга – «Последние слова перед смертью людей».

РУЗАННА. И что они говорили?

АНДРЕЙ. Не знаю. Не дали мне книгу.

АННА СТЕПАНОВНА. Один сказал «Ихь штербе», что значит «Я умираю». Другой сказал: «Будь прокляты вы все, кто пришел раздавить нашу жизнь!».

РУЗАННА. Кому он сказал?

АННА СТЕПАНОВНА. А потом один, который не хотел умирать, сказал бабе, которая над ним склонилась: «Сдохнешь, тварь, а я приду и плюну в твой гроб!».

РУЗАННА. И не умер?

АННА СТЕПАНОВНА. Нет, жив остался, и потом пришел и плюнул.

РУЗАННА. Нет, я думаю, что он умер и не выполнил своего обещания.

АННА СТЕПАНОВНА. А еще один кричал: «Проклятое иродово семя, вы думаете, что

вы нас победили? Не выйдет! Потому что «Нас водила молодость в сабельный поход! Нас бросала молодость на кронштадский лед! Боевые лошади уносили нас! ...»

РУЗАННА. Мне надо дизайнера вызвать. Сколько бутылок. Степан Петрович сказал, что у вас развит алкоголизм в библиотеке. Народ не ходит. А сотрудники киряют. Надо начать с того, что вывезти всю стеклотару, из всех углов, из подпола, забито всё бутылками, так?

АННА СТЕПАНОВНА. Там покойники.

РУЗАННА. Живых бояться надо.

АННА СТЕПАНОВНА. Тут привидения ходят.

РУЗАННА. А потом тут будет караоке и так далее. Чтобы пошел народ. Нет, ну, правильно сказал Степан Петрович: «Очаг культуры, а огня нет, культуры нет, потому что нет охвата населения культурно-массовой работой».

АННА СТЕПАНОВНА. Вы откуда такие?

РУЗАННА. Всё, я пошла на второй этаж, до свидания. Господи, сколько тут барахла ненужного, а? К чему вот эти пылесборники тут стоят?

АННА СТЕПАНОВНА. Это подарки от трудовых коллективов.

РУЗАННА. Выкинуть всё. Там на вешалке зонтики эти старые не забудьте.

Идет по ступенькам вверх.

Мы сделаем тут статусно. Всё-таки – Дворянское собрание. Портреты эти непонятно кого – убрать.

Все подбежали к лестнице, смотрят снизу вверх на Рузанну.

АННА СТЕПАНОВНА. Это Гоголь. Пушкин.

ВАЛЕНТИНА. Это Достоевский.

МАРИАННА. А это Белинский.

РУЗАННА. Ну, и хорошо. Уберем. Куда они и зачем? Нет. Совсем не нужны.

АННА СТЕПАНОВНА. А это Булгаков и Шолохов.

РУЗАННА. Тут мы повесим Степана Петровича и Владимира Николаевича в разных позах, то есть, в разных жизненных ситуациях. И ступеньки поют, скрипят как. Мрамором всё заделаем тут, потолки пониже, лепнину эту, чтоб не видно было, и люстру заменить на более современный какой-то светоисточник. Или оставить всё это старье для прикола?

АННА СТЕПАНОВНА. Таджикский евроремонт? Оставьте для прикола, а?

РУЗАННА. Подумаю. Ой, сколько работы, сколько дел ... Но выдержу ... Надо сделать статусно. Нет, я серьезно вам говорю. Ста-тус-но. Ста-тус-но.

АННА СТЕПАНОВНА. Нет, так не будет

РУЗАННА. Будет.

АННА СТЕПАНОВНА. Не будет.

РУЗАННА. И только так будет. Так. И перетакивать не будем.

Уходит на второй этаж, ходит там.

Все стоят у лестницы, смотрят вверх, белая штукатурка сыпется на всех.

Все стоят в белом, как мыши в муке в амбаре.

АННА СТЕПАНОВНА. «На последнем на листочке, пишем вам четыре строчки, в знак почтения от нас! Ах, не вырвало бы вас ...». *(Молчит, слезы вытирает)*. Это не я сочинила. Это Лесков. «Очарованный странник».

ВАЛЕНТИНА. Мне рассказывали про мужика в Сочи, что он сдавал номер в гостинице, пришла горничная, всё посмотрела и вышла. А ему на сборы осталась минута, чтобы взять чемодан и выйти. Ему якобы надо было вещи дособирать. И вот минуты ему хватило, чтоб сорвать шторы с окон, засунуть их в чемодан и еще туда же полотенце и простыни все. Он уехал. И никто его не остановил, потому что горничная номер приняла.

МАРИАННА. И нам шторы сдернуть, пока она там ходит?

АННА СТЕПАНОВНА. Ничего не надо.

ВАЛЕНТИНА. И что потом этими шторками, полы мыть? Дырки в окнах затыкать?

АННА СТЕПАНОВНА. А помните, Горький писал в «Варварах» про одного героя, который украл деньги и сбежал? «И украл-то как нищий, с копейками ...»

МАРИАННА. Вы почему это вспомнили?

АННА СТЕПАНОВНА. Я про дворянина с пистолетом. Украл, как нищий, с копейками.

МАРИАННА. Он не крал. Он заработал. Так он считает.

ВАЛЕНТИНА. Он будет дворянином. Его жена дворянкой. Столбовой. Как та старуха.

МАРИАННА. Она плохо кончила.

ВАЛЕНТИНА. Эти хорошо кончат. Дети будут дворянчиками.

МАРИАННА. Да не смеси. Шевели оковалками. Пошли.

ВАЛЕНТИНА. Ну, хорошо, что такая развязка. Я не ждала такого финала.

МАРИАННА. Нас пожалели. Сказали: «А поживите. Пусть живые завидуют мертвым».

ОЛЬГА. Лучше бы он нас расстрелял.

АННА СТЕПАНОВНА. Будем жить. И увидим небо в алмазах. Спасибо этому дому. Пойдем к другому.

АНДРЕЙ. Красиво говорите зачем? А он есть?

АННА СТЕПАНОВНА. Найдем.

АНДРЕЙ. Где?

АННА СТЕПАНОВНА. Не включай блондинку. Не знаю. Найдем. Должен быть. Тише разговаривайте, тише. Это же библиотека. Тише, сказала. Тише. Пошли.

Уходят.

На втором этаже ходит Рузанна.

Скрипят доски.

Рузанна что-то поет.

Темнота

Занавес

Конец

*село Логиново, 27 июля 2018 года -
город Екатеринбург 29 июня 2020 года*